

ПОЛИТИКА КИТАЯ В ОТНОШЕНИИ СОСЕДНИХ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Роза Турарбекова, Татьяна Шибко

Международная политика Китая все чаще становится объектом внимания мировых СМИ, политических и экспертных кругов. Одним из наиболее распространенных тезисов стало утверждение о том, что КНР — супердержава нового столетия. Данное мнение во многом стало предметом политической мифологизации. Однако Китай, несомненно, является важным «игроком» на мировой арене и имеет стратегические интересы в Азии, особенно в отношении соседних стран.

Одним из таких регионов «специального внимания» Китая является Центральная Азия. У соседних стран Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан) в отношении с Китаем остался ряд проблем, унаследованных от СССР (геополитические, территориальные, идеологические, проблема этнических и конфессиональных меньшинств). Было бы упрощением говорить о том, что эти спорные моменты возникали лишь в советскую эпоху. Тем не менее, распад Советского Союза актуализировал их. Появление у границ Поднебесной новых субъектов международных отношений заставило Пекин по-новому сформулировать повестку своей внешней политики.

Следует отметить, что тема двусторонних отношений Китая с Центральной Азией, и с соседними странами Центральной Азии в частности, все еще недостаточно разработана как зарубежными, так и российскими, белорусскими исследователями. Тем не менее, изучение динамики двусторонних отношений между КНР и другими государствами представляет большой интерес: решение стратегически важных проблем, реализация многих задач осуществляется Китаем не на многостороннем, а на двустороннем уровне, так как, к примеру, реализация ряда проектов в рамках ШОС сдерживается как межгосударственными противоречиями в Центральной Азии, так и присутствием в организации России.

Отдельные аспекты рассматриваемой темы были предметом изучения Син Гуанчэна [14], Чжао Чанцина [21] (Китай), К. Сыроежкина [16] (Казахстан), Э. Усубалиева [20] (Кыргызстан), В. Дубовицкого [24] (Таджикистан) и других авторов. Несомненную ценность представляют работы российских авторов: А. Воскресенского,

С. Лузянина [4], В. Корсуна [7], Р. Мукимджановой [8] и узбекских авторов: В. Парамонова, А. Строкова, О. Столповского [12]. Были также рассмотрены результаты исследований европейских и американских авторов: Л. Диттмера [23], С. Пейроуза [28], И. Шичора [29] и белорусского исследователя В. Борового [1–3].

Наибольшее значение для написания данной статьи имели работы К. Сыроежкина [16], в которых рассматриваются различные аспекты политики Китая в Центральной Азии и взаимодействие Китая с Россией и США в регионе. Необходимо также отметить работы западного исследователя С. Пейроуза [28], уделяющего большое внимание динамике сотрудничества Китая и Центральной Азии на современном этапе, и белорусского исследователя В. Борового [1–3], полно и многосторонне анализирующего динамику сотрудничества КНР с Центральной Азией.

Целью данной статьи является анализ и оценка эволюции взаимоотношений КНР с Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном в 1991–2010 гг. В этой связи необходимо исследовать стратегию и основные интересы Китая в рассматриваемых странах. Так, необходимо выделить общие черты стратегии и специфику взаимодействия КНР с каждой из трех перечисленных стран.

Геополитика и вопросы периодизации. Начиная с 90-х гг. XX в. взаимодействие КНР с Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном прошло несколько этапов развития, обусловленных как внешними, так и внутренними факторами. В качестве первого из них можно выделить период от распада СССР/установления дипломатических отношений до 11 сентября 2001 г. По мнению В. Борового, после распада СССР отношения Китая со странами Центральной Азии вступили в принципиально новую фазу, связанную как с новыми возможностями, так и с новыми угрозами для обеих сторон. В этот период политика Пекина в регионе, находясь в процессе становления, отличалась особой осторожностью и умеренностью [2, с. 7]. Первая половина 1990-х гг. стала подготовительным этапом, когда устремления Пекина не имели четкой стратегической составляющей и ограничивались установлением базовых дипломатических контактов, развитием региональной торговли и сбо-

Авторы:

Турарбекова Роза Маратовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Шибко Татьяна Владимировна — магистрант факультета политических наук Университета Париж-1 (Пантеон Сорбонна)

Рецензенты:

Тихомиров Александр Валентинович — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета

Шевелёв Дмитрий Леонидович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси

ром информации [3]. Как отмечает Син Гуанчэн, основные принципы внешней политики Китая в отношении Центральной Азии были сформулированы только в 1994 г. Китайский исследователь обобщает их как поддержание дружественных добрососедских отношений и мирное сосуществование; развитие взаимовыгодного сотрудничества и содействие совместному процветанию; уважение выбора каждого из государств и невмешательство во внутреннюю политику других стран; уважение суверенитета, содействие региональной стабильности [14, с. 17]. Столь обтекаемые формулировки нехарактерны для оценок российских и белорусских исследователей, которые акцентируют свое внимание на проблемных моментах.

По мнению российских авторов А. Воскресенского и С. Лузянина, несмотря на то, что во всех официальных документах китайского правительства говорилось о равном и дружественном отношении ко всем новым центрально-азиатским государствам, со стороны Пекина с середины 1990-х гг. стала заметна тенденция к определенной дифференциации отношений с государствами Центральной Азии: появились «приоритетные государства», которым отводилось первостепенное значение в плане развития политических и экономических связей, и республики «второго эшелона», с которыми поддерживался необходимый уровень официальных контактов. По мнению данных исследователей, в «приоритетную» группу вошли государства, связанные с Китаем общей границей и общими проблемами сохранения взаимной национальной безопасности, — Казахстан, Таджикистан и Кыргызстан [4, с. 397].

С данным утверждением трудно не согласиться, так как наиболее значимыми факторами, которые в начале 1990-х гг. определяли позицию и интересы КНР в Центральной Азии, стали пограничные вопросы и проблемы, связанные с ситуацией в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) (проблема уйгурского сепаратизма и экономические вопросы). Как отмечает В. Боровой, если распад Советского Союза создал предпосылки для решения ряда проблем, то проблема уйгурского сепаратизма значительно обострилась, поскольку возникли условия для относительно свободных трансграничных контактов в регионе. С другой стороны, с распадом СССР и обретением государствами Центральной Азии независимости Китаю вновь представилась возможность вернуться в регион в качестве одного из активных игроков. Стремительное экономическое развитие Китая в сочетании с желанием заявить о себе как об одном из полюсов современного мира стало предпосылкой возрождения китайского влияния в Центральной Азии [2, с. 25].

После событий 11 сентября 2001 г. в США и начала антитеррористической операции в Афганистане ситуация в Центральной Азии стала быстро меняться. Главным итогом объявленной Вашингтоном антитеррористической операции стало то, что США получили легитимный до-

ступ своих воинских подразделений в сердце Евразийского континента. Американские военнослужащие были размещены, в частности, на авиабазе возле аэропорта «Манас» в Кыргызстане. По мнению Л. Диттмера, хотя Китай и выступил с поддержкой американских действий, направленных на борьбу с терроризмом, проникновение США в регион связано также с желанием установить контроль над ресурсами, а также приблизиться к западным границам Китая, чтобы, в случае необходимости, оказывать определенное влияние на политическую ситуацию внутри страны [23].

В связи с объявленной войной с международным терроризмом и военным присутствием США в Афганистане политика Китая, нацеленная на установление зоны стабильности и безопасности по периметру границ, столкнулась с рядом проблем. Казахстанский исследователь К. Сыроежкин полагает, что вмешательство США в афганский конфликт разрушало всю геостратегию Китая, которая с конца 1980-х гг. выражается формулой «опираться на север, стабилизировать западное направление, а основные усилия сосредоточить на востоке и юге» [16]. По мнению многих специалистов, эти события вынудили КНР пойти на активизацию своего внешнеполитического курса в отношении Центральной Азии и повышение ее статуса в структуре региональной политики Китая [см.: 2; 20].

Представляется целесообразным выделить период с 2002 по 2005 г. В это время Китай стал постепенно смещать фокус своего внимания с краткосрочных целей стратегической важности на долгосрочные, в частности на интенсивное расширение торгово-экономического сотрудничества и проникновение в ключевые сектора экономик региона. Экономическое взаимодействие между Китаем и Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном (особенно после открытия китайско-таджикского пограничного поста в 2004 г.) значительно возросло, наблюдалось также повышение инвестиционной активности государственных компаний КНР в нефтегазовом секторе Казахстана. По оценкам казахстанского исследователя К. Сыроежкина, за 1993–1998 гг. суммарный объем прямых иностранных инвестиций Китая в Казахстан составил только 411,7 млн дол. США, в 2004 г. он достиг 393,5 млн, а в 2005 г. — 1,2 млрд дол. [15].

2005 год стал важным хронологическим рубежом как в политическом, так и в экономическом взаимодействии Китая с соседними государствами Центральной Азии. «Тюльпановая революция» в Кыргызстане и события в Андижане весной 2005 г. серьезно обеспокоили Пекин и Москву на предмет американского вмешательства во внутривосточные дела государств Евразии. Требование ликвидации военных баз в Центральной Азии, прозвучавшее в Декларации Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в Астане 2005 г., завершилось уходом американцев, по крайней мере, из Узбекиста-

на. Пекин, в свою очередь, задался целью более серьезной экономической привязки региона к экономике КНР. Период с 2005 г. по настоящее время характеризуется бурными темпами роста товарооборота между Китаем и странами Центральной Азии и началом реализации крупных совместных проектов. Так, по данным узбекистанских исследователей В. Парамонова, А. Строкова, О. Столповского, товарооборот между КНР и Казахстаном, составлявший в 1992–1995 гг. 210–450 млн дол. США ежегодно, к 2000 г. возрос примерно в 4 раза, в 2001 г. составил уже около 1,25 млрд, в 2004 г. — 4 млрд, в 2007 г. — 12 млрд, а в 2008 г. достиг 17,5 млрд дол. США [12]. Товарооборот между КНР и Кыргызстаном, вплоть до 2004 г. включительно находившийся в пределах 30–125 млн дол., за 2004–2008 гг. увеличился примерно в 12 раз [9]. В стартовом 1993 г. объем торговли между КНР и Таджикистаном составил 8,9 млн дол. США и к 2003 г. едва достиг 38,8 млн дол., но в 2005 г. он составил уже 157,8 млн дол. США, в 2006 г. — 323,7, в 2007 г. — 524 млн дол. В 2008 г. внешнеторговый оборот между Таджикистаном и Китаем впервые преодолел миллиардную планку и достиг 1 679,8 млн дол. США [6; 24].

Таким образом, на основе проведенного анализа можно выделить три этапа эволюции взаимоотношений Китая и соседних стран Центральной Азии: 1992–2001 гг. — поиск решения пограничных вопросов и проблем взаимной национальной безопасности, обозначение экономических интересов Пекина; 2002–2005 гг. — активизация Пекина в связи с американским военным присутствием в Центральной Азии, а также наращивание китайского экономического присутствия в регионе; 2005–2009 гг. — вхождение в крупные сектора национальных экономик соседних стран и энергетическая «привязка» региона к экономике КНР.

Интересы и стратегия. Выделив основные этапы во взаимоотношениях КНР и граничащих с ней стран Центральной Азии в 1991–2009 гг., попытаемся проанализировать основные интересы и дать характеристику стратегии Китая в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане в рассматриваемый период.

Как отмечает казахстанский эксперт К. Сыроежкин, внешняя политика КНР в рассматриваемом регионе тесно связана с приоритетами внутреннего развития — необходимостью поддерживать внутривосточную стабильность, обеспечивать устойчивый экономический рост, расширять производство и экспорт и импортировать углеводородное сырье и минеральные ресурсы. Первым необходимым условием для стабильного внутреннего развития является создание мирной международной обстановки, а применительно к рассматриваемым странам — формирование условий для сохранения в регионе стратегической стабильности и безопасности, предотвращение возникновения реальных и потенциальных стратегических угроз для Китая [15].

Для того чтобы обеспечить стабильность в Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане — странах, которые Китай рассматривает как свой «стратегический тыл», — необходимо было, прежде всего, урегулировать пограничные вопросы, на чем и сконцентрировала свои усилия КНР после установления дипломатических отношений с этими странами. Вопросы прохождения границы между КНР и Казахстаном были окончательно урегулированы в 1998 г., между КНР и Кыргызстаном — в 1999 г., КНР и Таджикистаном — в 2002 г. [8, с. 141]. Помимо урегулирования пограничного вопроса КНР направила усилия на получение поддержки правительств рассматриваемых стран в борьбе с «тремя силами зла» — сепаратизмом, терроризмом и экстремизмом. КНР всегда отдавала себе отчет в том, что нестабильность в Центрально-азиатском регионе может повлиять на политическую стабильность и экономическое развитие СУАР. В течение рассматриваемого периода, особенно во второй половине 1990-х гг., характеризовавшейся обострением деятельности исламистских группировок как в Центральной Азии, так и в СУАР (волнения в г. Кульдже недалеко от границы с Казахстаном в 1997 г., серия терактов в Пекине в 1999 г. [7, с. 417]), КНР прилагала все усилия для того, чтобы не допустить превращения Центральной Азии в целом и Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана в частности в базу восточно-туркестанских сепаратистских сил за пределами Китая и каналом их связи с международным терроризмом [8, с. 150]. В конце 1990-х гг. — начале XXI в. между Китаем и рассматриваемыми странами был подписан ряд соглашений о сотрудничестве по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом: в 2002 г. подобные соглашения были подписаны с Казахстаном и Кыргызстаном, в 2003 г. — с Таджикистаном [10], что стало несомненным успехом дипломатической стратегии КНР в рассматриваемых странах. Однако, несмотря на официальный запрет деятельности организаций, поддерживающих сепаратизм в СУАР, возможность активизации уйгурского движения за независимость, роста исламского фундаментализма в регионе продолжает существовать и по сей день. Ислам является религией как большинства народов Центральной Азии, так и современного Синьцзяна (по данным на 2009 г., уйгуры составляют 9,651 млн из 21-миллионного населения СУАР [22]), и именно под его знаменами сегодня ведется террористическая война исламистских группировок. Данный фактор будет, несомненно, учитываться Китаем при выработке своей стратегии по отношению к рассматриваемым странам и в дальнейшем [см.: 18].

При этом выработка Китаем политической стратегии после обретения центрально-азиатскими республиками независимости подразумевала выбор между двумя фундаментальными и противоречивыми вариантами: с одной стороны, продолжение политики закрытости границ с

центрально-азиатскими странами могло бы способствовать стабильности в СУАР ценой экономического развития. С другой стороны, открытие границ для неконтролируемого движения людей и товаров (а также «неправильных» идей, литературы, религиозных взглядов и даже оружия) могло бы в значительной степени поспособствовать экономическому развитию КНР ценой внутривластной стабильности. Пекин принял решение открыть границы и дать «зеленый свет» экономическому сотрудничеству с минимальными ограничениями, в то время как внутри страны применялись достаточно твердые и решительные меры по поддержанию стабильности и обеспечению контроля над СУАР, которые сочетались с политическим давлением на страны Центральной Азии [29, р. 56]. Так Синьцзян постепенно начал превращаться в плацдарм для усиления китайского присутствия в регионе [27, р. 14].

Обеспечив политическую базу для стабильности в рассматриваемых странах и реализовав свои краткосрочные цели, которые являлись необходимым условием и основой для дальнейшего углубления сотрудничества с рассматриваемыми странами, Китай получил возможность сконцентрироваться на реализации своих долгосрочных целей, а именно на развитии торгово-экономического сотрудничества, активном вовлечении рассматриваемых стран в экономический обмен. События 2001 г. также в той или иной степени побудили КНР к пересмотру места Центральной Азии в иерархии ее внешнеполитических приоритетов и заставили искать пути для расширения присутствия в регионе. Китай принял решение использовать экономическое сотрудничество, которое на сегодняшний день представляет собой приоритетный аспект отношений между КНР и соседними государствами Центральной Азии, для расширения присутствия и укрепления влияния в регионе.

Китай в течение уже длительного времени является одним из лидирующих экономических партнеров Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана. Стратегия Китая в рассматриваемых странах подтверждает тот факт, что КНР хорошо осознает связь как между экономическим сотрудничеством и расширением влияния, так и между экономическим сотрудничеством и безопасностью. Китай стремится к проникновению в важнейшие сектора экономик рассматриваемых стран, инвестируя в транспортную и энергетическую отрасли. Это выгодно для КНР, так как, во-первых, прочное присутствие Китая и китайского капитала во внешнеэкономическом балансе и стратегически важных секторах экономик стран региона, а также наличие транспортно-коммуникационной инфраструктуры, связывающей рассматриваемые страны с КНР, создает обстановку, в которой китайский фактор начинает приобретать все большую значимость в регионе. Во-вторых, инвестиции в ключевые сектора экономик рассматриваемых стран также будут содействовать региональному развитию, что по-

может снизить вероятность политической и социальной дестабилизации, которая может повлиять на ситуацию в СУАР и замедлить экономический рост КНР. В отношении же СУАР Пекин осознает, что для поддержания стабильности в регионе ему следует придерживаться взвешенной и осторожной стратегии: китайский исследователь Чжао Чанцин отмечает, что если экономическое развитие Центральной Азии будет опережать экономическое развитие западных регионов КНР, то это может привести к росту недовольства и сепаратистских тенденций [21, с. 23].

Вообще динамичное развитие торгово-экономических связей между КНР и соседними государствами Центральной Азии в большой степени отразилось именно на интересах Синьцзяна, получившего возможность активнее реализовать потенциал своего выгодного географического положения, что в полной мере соответствует Программе развития западных регионов, принятой в 1999 г. и предусматривающей их всестороннее экономическое развитие. Расширение двусторонней торговли и экономического сотрудничества с соседними государствами приводит в движение механизм развития экономики соседних территорий [1, с. 58]. Более 2/3 торговли между КНР и Казахстаном приходится на СУАР [29, р. 57]. До середины 1990-х гг. СУАР был практически единственным регионом Китая, с которым Казахстан осуществлял экономическое сотрудничество. Лишь позднее, когда на казахстанском рынке появились крупные китайские компании, началась реализация масштабных проектов и доля СУАР в торговом балансе КНР и Казахстана стала несколько сокращаться [25, р. 55]. Однако, по данным американского исследователя С. Пейроуза, в 2008 г. на долю торговли с СУАР пришлось около 9 млрд из 15 млрд дол. США общего казахстанско-китайского товарооборота [28].

Как отмечает В. Боровой, чтобы создать предпосылки для влияния в регионе через расширение экономического сотрудничества, КНР стремится в максимальной степени использовать свои преимущества (масштабы китайской экономики, растущие инвестиционные возможности, географическую близость к рассматриваемым странам) для расширения торгово-экономического сотрудничества [см.: 2]. Так, Китай в полной мере воспользовался возможностью, предоставленной ему мировым финансовым кризисом, для того, чтобы расширить свое присутствие в рассматриваемых странах и обеспечить стратегические преимущества в будущем. В 2009 г. между КНР и пограничными странами был заключен ряд масштабных сделок: например, в апреле 2009 г. в ходе визита главы Казахстана Н. Назарбаева в КНР стороны согласовали предоставление Казахстану кредита в размере 10 млрд дол. США (5 млрд были выделены НК «КазМунайГаз» для финансирования сделки по поглощению компании «Мангистаумнайтгаз» и других проектов в нефтегазовой отрасли и еще 5 млрд — Банку развития Казахстана) [19].

Что касается форм торгово-экономического сотрудничества, то в первой половине 1990-х гг. экономическое присутствие Китая в Казахстане ограничивалось исключительно торговой сферой, причем торговля имела стихийный, неконтролируемый характер [12]. В начале XXI в. между Китаем, Кыргызстаном, Таджикистаном и особенно Казахстаном начался новый этап развития отношений — этап практической реализации крупнейших, стратегически важных совместных проектов в экономической сфере, к чему привело, в частности, вступление КНР в «игру» за энергоресурсы региона. В 2009 г. состоялась официальная церемония открытия газопровода Туркменистан—Китай, проходящего по территории Узбекистана и Казахстана [5]. В 2010 г. состоялся запуск нефтепровода Казахстан—Китай, на сегодняшний день являющегося крупнейшим из реализованных совместных проектов. Строительство нефтепровода Казахстан—Китай осуществлялось в два этапа. Первым этапом явилась реализация проекта нефтепровода Атасу—Алашанькоу, который был введен в эксплуатацию в июле 2006 г., вторым этапом стало введение в эксплуатацию нефтепровода Кенкияк—Кумколь. С момента начала транспортировки по 1 апреля 2010 г. по нефтепроводу Кенкияк—Кумколь было транспортировано около 1,3 млн т нефти. В перспективе по нефтепроводу Казахстан—Китай прогнозируется транспортировка нефти из Западного Казахстана и казахстанского сектора Каспийского моря: данный нефтепровод планируется соединить с нефтепроводом Кенкияк (Каспийское море) — Атырау, построенным в 2002 г. [26]. Реализация подобных крупных проектов, с одной стороны, позволяет Китаю усилить свое влияние в регионе и удовлетворить потребность в ресурсах, диверсифицировав их источники; с другой стороны, китайское правительство отдает себе отчет в том, что без реализации подобных проектов значительное ускорение темпов роста торгово-экономического сотрудничества и, как следствие, расширение своего присутствия в регионе, было бы невозможным.

Несмотря на наличие общих характеристик, взаимодействие КНР с каждой из трех рассматриваемых стран имеет и свою специфику. Казахстан, несомненно, занимает ведущее место как среди соседних стран, так и среди всех государств Центральной Азии по уровню развития многосторонних связей с КНР. Как отмечает китайский исследователь Син Гуанчэн, Казахстан с точки зрения геополитики — не просто центральноазиатское государство, но и евразийское государство, что и определяет его важную стратегическую позицию в регионе [14, с. 18]. Китай подчеркивает, что стремится к поддержанию дружественных отношений со всеми странами Центральной Азии, но Казахстан обладает особым статусом: в 2005 г. китайско-казахстанское сотрудничество было названо «стратегическим» и Астана рассматривается Пекином в качестве

одного из важнейших политических союзников на постсоветском пространстве [8, с. 143]. На протяжении 1992—2008 гг. на торговлю между Китаем и Казахстаном приходилось от 80 до 86 % всего китайско-центральноазиатского товарооборота, на торговлю с Кыргызстаном — от 1 до 8 %, с Таджикистаном — от 0,1 до 4 % [12]. Важнейшей составляющей китайско-казахстанского взаимодействия является энергетическое сотрудничество. Стимулом повышения интереса Китая к Казахстану явился рост потребностей китайской экономики в энергоресурсах, в первую очередь нефти, что и обусловило начало проектно-инвестиционной деятельности китайских компаний в республике.

Кыргызстан — страна региона, проникновение КНР в экономику которой является наибольшим. Однако это связано не с объемами поставок товаров из КНР в Кыргызскую Республику, которые сами по себе невелики по причине слабости кыргызской экономики, а с тем, что Китай рассматривает республику в качестве стратегического плацдарма для торговой экспансии в Центральную Азию и на постсоветское пространство в целом [13]. Кыргызстан, в свою очередь, не только насыщает свой рынок дешевой китайской продукцией, но и имеет дополнительную прибыль за счет ее реэкспорта в остальные государства Центральной Азии (главным образом, в Узбекистан) и даже ряд областей России. Данную прибыль оценить сложно, однако, по мнению некоторых экспертов, реэкспорт приносит Кыргызстану не менее 250 млн дол. США в год. Значение Кыргызстана как перевалочной базы для китайских товаров широкого потребления особенно возросло в первом десятилетии XXI в., когда обе страны стали членами ВТО (Кыргызстан — с 1998 г., Китай — с 2001 г.). После этого китайская продукция стала поступать на территорию Кыргызстана в прогрессирующих масштабах и практически беспрепятственно [12].

Таджикистан, малая страна с несущественным масштабом рынка, занимает достаточно скромное место в торговой политике Пекина. Однако за последние годы экономическое присутствие Китая в Таджикистане также значительно увеличилось. Таджикистан, как и Кыргызстан, обладает достаточно большим гидроэнергетическим потенциалом. Проектная активность Китая в гидроэнергетической отрасли Кыргызстана пока невелика, но Таджикистан является основным партнером Китая в Центральной Азии в сфере гидроэнергетики. В Таджикистане, как и в Кыргызстане, Китай проявляет большой интерес к инвестициям в сетевую инфраструктуру, финансируя строительство крупных подстанций и ЛЭП, а также к минерально-сырьевым ресурсам. В Кыргызстане и Таджикистане Китай предложил использовать схему «инвестиции в обмен на природные ресурсы», которая подразумевает покупку Пекином золота, вольфрама и олова в обмен на инвестиции в различные отрасли экономики страны [17].

Выводы. Несомненно, существует ряд факторов, в той или иной степени препятствующих поступательному и динамичному развитию отношений между КНР и рассматриваемыми странами. Во-первых, Пекину понадобилось время для того, чтобы выработать четкую стратегию по отношению к региону. Проникновению Китая в регион препятствует также присутствие там интересов других держав, особенно России и США. На развитие двусторонних отношений определенное негативное влияние оказывают проблема незаконной миграции, контрабандного ввоза и вывоза товаров, использования водных ресурсов, а также существующие среди местного населения опасения в отношении дальнейшего расширения влияния КНР. В соседних странах наблюдается дисбаланс структуры импорта и экспорта в пользу Китая: китайский импорт в Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан значительно преобладает над экспортом, который преимущественно является сырьевым. Такая ситуация часто вызывает недовольство со стороны местного населения и части политических элит, заставляя говорить об угрозе «китайской экспансии». Китайская сторона, в свою очередь, обеспокоена проблемой стабилизации ситуации в Кыргызстане, и вопрос реванша радикальных исламистов в Центральной Азии будет держать в напряжении Пекин до тех пор, пока уйгурские организации будут иметь социальную и идеологическую поддержку в Центральной Азии.

Однако, несмотря на наличие сдерживающих факторов, сотрудничество между Китаем и со-

седними государствами Центральной Азии развивается весьма активно. Можно отметить, что в процессе взаимоотношений с этими соседями Китай достаточно умело отстаивает свои интересы, адаптируясь к новым обстоятельствам и довольно эффективно используя экономические рычаги для укрепления своего присутствия в регионе.

Представляется вероятным, что в будущем главными приоритетами для Китая по-прежнему останутся вопросы освоения углеводородных и других сырьевых ресурсов, формирования соответствующей транспортной инфраструктуры по обеспечению экспорта в китайском направлении промышленного сырья, а также увеличения импорта в рассматриваемые государства промышленных товаров и услуг. Подобная стратегия необходима в контексте как повышения экономического роста, так и обеспечения безопасности. Китай будет продолжать инвестировать в экономики Кыргызстана и Таджикистана, однако говорить о динамичном развитии взаимоотношений между Китаем и Кыргызстаном, Китаем и Таджикистаном в ближайшей перспективе вряд ли возможно. По мере реализации крупных проектов значимость рассматриваемых стран, особенно Казахстана, для Китая будет повышаться. Но в целом в ближайший период в двусторонних отношениях между Китаем и рассматриваемыми странами будет, вероятнее всего, сохраняться определенный статус-кво, и в обозримом будущем Центральная Азия будет занимать «почетное второе» место по сравнению с Восточной Азией в иерархии приоритетов региональной политики КНР.

Литература

1. Боровой, В. 11 сентября и политика Китая в Центральной Азии: новые приоритеты и акценты / В. Боровой // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. 2004. № 4. С. 57–60.
2. Боровой, В. Политика КНР в Центральной Азии (90-е гг. XX в. — начало XXI в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15 / В. Боровой; Белорус. гос. ун-т. Минск, 2005.
3. Боровой, В. Политика КНР в Центральной Азии в первой половине 1990-х гг. / В. Боровой // Журн. междунар. права и междунар. отношений. 2007. № 1. С. 54–57.
4. Воскресенский, А. Китайский и российский факторы в Центральной Азии: традиционные вызовы и новые возможности / А. Воскресенский, С. Лузянин // Северо-Восточная и Центральная Азия: динамика международных и межрегиональных взаимодействий: учеб. пособие / под ред. А. Д. Воскресенского; отв. сост. А. Д. Воскресенский, К. П. Боришполец. М.: МГУ; Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2004. С. 387–401.
5. Запущен газопровод Туркменистан—Узбекистан—Казахстан—Китай [Электронный ресурс] // Интернет-газета Turkmenistan.ru. Режим доступа: <http://www.turkmenistan.ru/?page_id=3&lang_id=ru&elem_id=16011&type=event&sort=date_desc>. Дата доступа: 13.05.2010.
6. За 16 лет торговый оборот между Таджикистаном и Китаем увеличился в 116 раз [Электронный ресурс] // Время Востока — Центральная Азия, Средний Восток, Дальний Восток. Режим доступа: <<http://www.easttime.ru/news/1/10/2259.html>>. Дата доступа: 30.03.2010.
7. Корсун, В. Дипломатия КНР в борьбе за «постсоветское наследство» в Центральной Азии / В. Корсун // Северо-Восточная и Центральная Азия: динамика международных и межрегиональных взаимодействий: учеб. пособие / под ред. А. Д. Воскресенского; отв. сост. А. Д. Воскресенский, К. П. Боришполец. М.: МГУ; Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2004. С. 402–425.
8. Мукиджанова, Р. Страны Центральной Азии: азиатский вектор внешней политики / Р. Мукиджанова. М.: Науч. книга, 2005.
9. Назаров, У. В Кыргызстане увеличивается присутствие китайского бизнеса / У. Назаров, А. Карабаев [Электронный ресурс] // Средняя Азия в Интернете. Режим доступа: <<http://www.centralasiaonline.com/cocoon/caii/xhtml/ru/features/caii/features/main/2010/03/22/feature-01>>. Дата доступа: 01.05.2006.
10. Нормативные документы. Правовое обеспечение противодействия экстремизму в ШОС [Электронный ресурс] // Региональная антитеррористическая структура Шанхайской организации сотрудничества (РАТС ШОС). Режим доступа: <http://www.ecrats.com/ru/normative_documents/1556_02.06.2006>. Дата доступа: 30.03.2010.
11. Парамонов, В. Экономическая политика Китая в Центральной Азии (часть 1) / В. Парамонов, А. Строков, О. Столповский [Электронный ресурс] // Время Востока — Центральная Азия, Средний Восток, Дальний Восток. Режим доступа: <<http://www.easttime.ru/analitic/3/8/767.html>>. Дата доступа: 22.04.2010.
12. Парамонов, В. Экономическое присутствие Китая в Казахстане / В. Парамонов, А. Строков, О. Столповский [Электронный ресурс] // Время Востока — Центральная Азия, Средний Восток, Дальний Восток. Режим доступа: <<http://www.easttime.ru/analitic/3/8/660.html>>. Дата доступа: 22.04.2010.

13. Парамонов, В. Экономическое присутствие Китая в Кыргызстане / В. Парамонов, А. Строков, О. Столповский [Электронный ресурс] // Время Востока — Центральная Азия, Средний Восток, Дальний Восток. Режим доступа: <<http://www.easttime.ru/analitic/3/8/664.html>>. Дата доступа: 23.04.2010.
14. Син Гуанчэн. Чжунгою чжунья гоцзя гуаньси = Отношения Китая с государствами Центральной Азии (на кит. яз.) / Син Гуанчэн [Электронный ресурс] // Hokudai. Режим доступа: <<http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publicn/85/9CA-Chinese.pdf>>. Дата доступа: 11.04.2010.
15. Сыроежкин, К. «Большая игра» в Центрально-Азиатском регионе / К. Сыроежкин [Электронный ресурс] // Институт экономических стратегий — Центральная Азия. Режим доступа: <<http://www.inesnet.kz/karkas/158-konstantin-syroezhkin-bolshaja-igra-v.html>>. Дата доступа: 13.04.2010.
16. Сыроежкин, К. Казахстан и интересы Китая в ЦА / К. Сыроежкин [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический центр «Изучение общественно-политических процессов на постсоветском пространстве». Режим доступа: <<http://www.ia-centr.ru/expert/2209/>>. Дата доступа: 01.04.2010.
17. Таджикистан и Китай создают новые совместные предприятия по разработке месторождений золота [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический центр «Минерал». Режим доступа: <<http://www.mineral.ru/News/20700.html>>. Дата доступа: 09.05.2010.
18. Турарбекова, Р. Исламский фактор в отношениях Центральной Азии и Китая: история, геополитика и безопасность / Р. Турарбекова // Пути Поднебесной. Вып. 1, ч. 2. Минск: БГУ, 2006. С. 125—129.
19. Турусбекова, Ж. Китайский вектор в кыргызской экономике / Ж. Турусбекова [Электронный ресурс] // ЦентрАзия. Режим доступа: <<http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1258473540>>. Дата доступа: 11.05.2010.
20. Усубалиев, Э. «Китайский фактор» во внешней политике Кыргызстана: двусторонний и региональный уровни / Э. Усубалиев [Электронный ресурс] // Правда.kg: информационный портал. Режим доступа: <<http://pravda.kg/index.php?newsid=791>>. Дата доступа: 17.04.2010.
21. Чжао Чанцин. Чжунго ю чжунья угоды цзинци гуаньси = Экономические связи Китая и Центральной Азии (на кит. яз.) / Чжао Чанцин // Дуноу чжунья шичан яньцзю = Исследование рынков Восточной Европы и Центральной Азии. 2002. № 1. С. 24—31.
22. Development and Progress in Xinjiang: Full Text [Electronic resource] // Xinhua News Agency. Mode of access: <http://news.xinhuanet.com/english/2009-09/21/content_12090477_6.htm>. Date of access: 01.07.2010.
23. Dittmer, L. Central Asia and the Regional Powers / L. Dittmer // The China and Eurasia Forum Quaterly. 2007. V. 5. N 4. P. 7—22.
24. Dubovitsky, V. The Tajik-Chinese relations: the period of wariness over, the era of cooperation begins / V. Dubovitsky [Electronic resource] // Ferghana.ru: Information Agency. Mode of access: <<http://enews.ferghana.ru/article.php?id=1810>>. Date of access: 04.05.2010.
25. Ibraimov, K. China-Central Asia Trade Relations: Economic and Social Patterns / K. Ibraimov // The China and Eurasia Forum Quaterly. 2009. V. 7. N 1. P. 47—60.
26. Kazakhstan Energy Data, Statistics and Analysis — Oil, Gas, Electricity, Coal. Energy Information Administration [Electronic resource] // U.S. Energy Information Administration. Mode of access: <<http://www.eia.doe.gov/emeu/cabs/Kazakhstan/pdf.pdf>>. Date of access: 01.05.2010.
27. Khodzhaev, A. The Central Asian Policy of the People's Republic of China / A. Khodzhaev // The China and Eurasia Forum Quaterly. 2009. V. 7. N 1. P. 9—28.
28. Peyrouse, S. Central Asia's growing partnership with China / S. Peyrouse [Electronic resource] // EUCAM: EU—Central Asia Monitoring. Working Paper N 4. 2009. October. Mode of access: <http://www.eucentralasia.eu/fileadmin/user_upload/PDF/Working_Papers/WP4-EN.pdf>. Date of access: 22.05.2010.
29. Shichor, Y. China's Central Asian Strategy and the Xinjiang Connection: Predicaments and Medicaments in a Contemporary Perspective / Y. Schicor // The China and Eurasia Forum Quaterly. 2008. V. 6. N 2. P. 55—73.

«Политика Китая в отношении соседних стран Центральной Азии» (Роза Турарбекова, Татьяна Шибко)

Формирование внешнеполитической стратегии КНР по отношению к Центрально-азиатскому региону обусловлено рядом факторов. В статье рассматриваются отношения КНР с теми странами Центрально-азиатского региона, с которыми Китай имеет общую границу: с Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном, в период от распада СССР по настоящее время. В статье дается как периодизация взаимодействия Китая с данными странами, так и анализ основных интересов Пекина и его стратегии в отношении приграничных стран Центральной Азии. Анализируются также общие черты внешнеполитической стратегии КНР в отношении Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана и факторы, обуславливающие специфику взаимодействия Китая с каждой из трех рассматриваемых стран.

«China's Policy towards the Neighbouring Countries of Central Asia» (Roza Turarbekova, Tatiana Shibko)

The formation of the foreign-policy strategy of the PRC towards Central Asia is determined by a range of factors. The article examines the relationship between PRC and the Central Asian countries which share the common boundary with China, namely Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Tajikistan, during the period from the fall of the USSR till present. The article contains the periodisation of China's interaction with the countries in question, as well as the analysis of Beijing's core interests and strategy towards the neighbouring Central Asian countries. The present article also contains the analysis of the common characteristics of PRC foreign-policy strategy towards Kazakhstan, Kyrgyzstan and Tajikistan, and of the factors determining the specific traits of China's interaction with each of these countries separately.

Статья поступила в редакцию в июне 2010 г.